

Мок. урвад.
1998. - 10 дек. -
с. 7.

Комиссар В ПЫЛЬНОМ ШЛЕМЕ

Владимир ПРИХОДЬКО

Держу в руках редкую книгу, любовно, по давней моде переплетенную в цветной ситец. Начинается так: «Радужный мыльный пузырь толчками поднимается вверх, он блестит голубиной и золотом, - и вся комната - кровать, комод, зеленая ширма, куча пестрых игрушек в углу - все это, выпукло отражаясь, дрожит в нем. Нагая женщина (...) выпрямилась, - и прозрачно-серебристые, почти голубые тени побежали по молочно-смуглой спине, и над широкими бедрами обозначились две одинаковые мягко затененные ямки».

Голизна моющей в тазу мерцает перед глазами ненароком вошедшего мужчины. Это персонажи повести Юрия Николаевича Либединского (10.12.1898, Одесса, - 24.12.1959, Москва) «Рождение героя» (1930). Это завязь любви.

За эту сцену автора обвиняли в порнографии. А повесть в целом - робкое художественное исследование того, как партийный аппарат перерождается в бюрократический, - в клевете. Председатель ЦКК ВКП (б) Шкирятов нелепо усмотрел в фамилии героя «Шорохов» намек на собственную персону. Пожаловался Сталину. Одна из причин, по которым Сталин постоянно вычеркивал Либединского из всех наградных списков.

Лишь по счастливой случайности Либединский не превратился в лагерную пыль.

Говоря о людях советского времени, мы склонны обвинять их, что не знали того, что мы знаем. Клеймим за иллюзии. Это все равно что упрекать, скажем, Гаврилу Державина, что крепостных заносчиво называл «рабами». Или Окунджаву - за то, что спел: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча над мной». Понять человека, понять писателя можно только в контексте эпохи. И заблуждения. И прозрения.

Либединский вырос на Урале, в Миасском заводе, где его отец, врач (умер в 1920-м от тифа), работал в больнице. В детстве сочувствовал храбрым бурам («Трансвааль, Трансвааль...»), русским морякам. Вспоминал: «Каждый ребенок по природе своей патриот. Я не представляю

себе детей, которые в детстве не желали бы победы своему отечеству. Я пел «Варяга» (...) и воображал себя участником этих грядущих победоносных сражений». Он искал на карте путь эскадры адмирала Рожественского. Окончил реальное училище в Челябинске.

Выходец из состоятельной семьи, Либединский, подросток, юноша, - вместе с эпохой - гре-

партии. По ночам ждал ареста. О нем появилась статья: «Троцкистский агент в литературе». Переехал - при поддержке Фадеева - в Москву. Был восстановлен в партии.

В 1941-м воевал в ополчении. Служил во фронтовой газете Московского военного округа. В 1942-м женился на Лидии Толстой (дед Льва Толстого и ее дед были родными братьями). Лидия Либединская рассказывает:

- Мы познакомились у прозаика Марка Колосова. С первой минуты я поняла: моя жизнь замкнулась. Это был не брак, а роман. Он был контужен неподалеку от Бородинского поля. Иногда не мог сидеть за столом, диктовал мне. Мы прожили 17 лет; не расставаясь ни на день. У меня даже нет от него писем, только записки в роддом. Когда он ходил на партсобрания, я сидела в коридоре, ждала. Однажды парторг сказал мне: «Что вы тут сидите, вступайте в партию, будете с нами». Я сказала: «Я недостойна». Либединский был добрый, мягкий, умел любить в людях талант, знал цену мастерству. Помогал молодым. Это он опубликовал в «Звезде» новаторскую поэму Заболоцкого «Торжество земледелия». «Зачем вы это напечатали?» - упрекнул его Киров. Рапповские идеи были отвергнуты еще в 30-е, но, заметьте, о Либединском никто не сказал дурного слова. Он не мог смириться с предательством товарищей. Однажды поехал в командировку с писателем Ставским. Было жарко, у того не было рубашки на смену. Либединский дал свою. А потом, говорит, прихожу на собрание, где меня должны исключить из партии. Собрание ведет Ставский. Вижу: сидит в моей рубашке. Это меня поразило больше, чем зловещие обвинительные речи. Либединский был очень близок с Фадеевым. За день до самоубийства мы с ним долго сидели у Фадеева. А утром грянул выстрел... Был 56 год, уже многое стало понятно. Либединский сказал с не характерной для него резкостью: «Бедный Саша, всю жизнь простоял на часах и понял, что стоял на часах перед сортиром! Как жить после этого?!» И ни в одной книге Либединского не выхвалается Сталин.

На снимке: Ю. Либединский с женой.

зил о переустройстве мира по пролетарской справедливости.

Вступил в 1920-м в партию. Вел политработу в РККА. Потом взялся за перо. Признавался, что в «Неделе» (1922) подспудно оспорил рассказ Пильняка «При дверях», где жизнь в уездном городке изображена как «грязное свинство» с беспросветной безнадежностью. У Либединского городок овеивают ветры мировой революции, в нем живут рабочие герои.

Кто был более прав: Пильняк? Либединский? Восторженный патриотизм провинциала трогателен.

«Неделя» и «Комиссары» (1925) имели бурный успех, также за рубежом. Переводились, переиздавались. Бухарин назвал «Неделю» «первой ласточкой» новой литературы (что тоже не прошло мимо коварно-памятливости Сталина). Барбюс сказал: «Неделя» это революция, увиденная революцией.

А жизнь менялась, восторженность не получала подпитки. В связи с арестом рапповца Авербаха Либединский (возглавлявший отделение РАППа в Ленинграде) был исключен из